

А.И. ЗЕЛЕНКОВ

**ФЕНОМЕН РЕЛЯТИВИЗМА И ТРАДИЦИИ
КЛАССИЧЕСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ**

Зеленков Анатолий Изотович – доктор философских наук, профессор, декан факультета философии и социальных наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки. Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, лауреат премии им. В.И. Пичеты, действительный член Петровской Академии наук и искусств (Санкт-Петербург) и Украинской Академии политических наук. Автор более 120 научных работ по проблемам философии, социальной экологии и методологии науки.

Problems of conceptual and methodological relativism as one of the specific peculiarities of contemporary philosophy are concerned in the article. The main attention is paid to the contradictory correlation of postmodern forms of philosophical analysis and principles and values of classical philosophy.

Современные дискуссии о статусе и формах конституирования нового типа рациональности, как правило, предполагают обсуждение проблемы методологического релятивизма, которая вполне убедительно репрезентирует тенденции критики и переосмысления классического стиля мышления и мироинтерпретации. Отказ от универсалистских презумпций классической культуры и философии порождает не только сомнения в адекватности ценностей рационализма и гармонизирующей метафизики. В не меньшей степени он предполагал кардинальную критику априоризма и гносеологических установок на достижение истинного знания о реальности природного и социального бытия. Так, в современной постклассической культуре возникает релятивистская интенция, направленная прежде всего против принципа объективности и нормативной значимости важнейших результатов человеческого познания и деятельности, а также трактуемая научный разум как принципиально зависимый от культурного контекста и детерминируемый исторически изменчивыми приоритетами социальной динамики.

Релятивизация мышления и отказ от абсолютистских иллюзий классической культуры и соответствующего ей типа сознания весьма наглядно обнаруживали себя на протяжении всего XX столетия. Наука, искусство, религиозный опыт, структуры обыденного мышления – эти и другие феномены культуры оказывались неизбежно подверженными влиянию релятивистских ориентаций сознания. Особенно рельефно эта тенденция постклассической социодинамики культуры проявилась в становлении и развитии современной науки, не без основания претендующей на фиксацию и воплощение смыслообразующих характеристик постклассической рациональности. Релятивистская программа применительно к науке имеет два основных измерения: синхроническое и диахроническое. Согласно первому, научная истина всегда относительна и существенным образом определяется субъектом познания, в качестве которого могут быть рассмотрены научная школа, исследовательская группа или даже отдельный ученый.

Адекватная концепция или истинная теория – это безусловные идеализации, реальными референтами которых всегда выступают социально ангажированные представления об исследуемой реальности. В диахроническом измерении тезис релятивизма означает отрицание автономии научного знания и редукцию истории науки к истории культурного контекста, в который наука органично вписана¹.

Релятивизация научного мышления, отказ от классических идеализаций субстанциального объективизма и гносеологических абсолютов особенно наглядно проявляются в эпохи научных революций. Проблема научных революций как одна из важнейших в структуре современного науковедения

была конституирована сравнительно недавно. Историческая реконструкция и анализ наиболее значительных трансформаций в науке позволил обосновать принципиально новый «неклассический» образ научного прогресса, атрибутивной характеристикой которого была провозглашена закономерная фаза научных революций². Комплексные и многоаспектные исследования этого типа изменений в структуре и содержании развивающихся научных знаний позволили не только осмыслить неадекватность и методологическую непродуктивность кумулятивистских моделей динамики науки, но и стимулировали активное обсуждение новых проблем. Вопрос о статусе и социокультурных импликациях феномена релятивизации научного мышления, безусловно, относится к одной из таких проблем. Идея методологического релятивизма, его внутренняя противоречивость и амбивалентность становятся предметом акцентированных размышлений уже в трудах выдающихся ученых – создателей новой неклассической системы представлений о фундаментальных законах природы на рубеже XIX–XX вв. Так, оценивая квантовую механику как принципиально неклассическую систему знания, А. Эйнштейн отмечал, что она утверждает совершенно новые, экзотические методы объяснения и описания природы, существенно дезавуируя при этом классические стандарты научного познания. «Основы теоретической физики вновь потрясены, и опыт требует, чтобы мы нашли способ для выражения закономерностей на новом, более высоком уровне»³. По мнению Н. Бора, современная физика предполагает «радикальный пересмотр фундаментальных физических понятий»⁴. Важно отметить, что осмысление феномена научной революции и релятивизации познания не было монополией лишь представителей сообщества ученых-физиков. В XX столетии идея относительности как когнитивный и социокультурный императив входит в сознание многих представителей естественнонаучного и гуманитарного познания. Интересны в этой связи взгляды В.И. Вернадского, который оценивал современную эпоху как отличающуюся тем, что одновременно почти по всей линии науки в корне меняются все основные черты картины космоса. Меняются в корне наши представления о материи, об энергии, о времени, о пространстве, создаются совершенно новые понятия, всецело отсутствовавшие во всех предшествовавших научных мирозерцаниях⁵.

Тенденция релятивизации научного сознания, отчетливо обозначившаяся в эпоху формирования неклассической картины мира, становится одной из магистральных ориентаций науки в последней трети XX столетия. Кардинальные изменения в области информатики, теории игр, теории катастроф, синергетики привели к акцентированной регионализации и релятивизации научного знания. Формируется принципиально иной постнеклассический тип научной рациональности, который ассоциируется с повышением самокритичности и гуманистической ангажированности науки, радикальным дистанцированием ее от таких классических критериальных оценок, как объективность и истинность.

Существенное влияние на оформление релятивистских интенций постнеклассической методологии науки оказали идеи И. Пригожина нового статуса научного познания в современной культуре. Его концепция нового диалога человека с природой утверждает радикально неклассическую версию научной рациональности, базирующуюся на достижениях термодинамики неравновесных процессов и теории диссипативных структур, с помощью которых предлагается обосновать идею генерации порядка из состояний динамического хаоса⁶. Специфика современной ситуации породила феномен размывания строгого идеала научности, в котором наряду с эпистемологическими императивами истинности, объективности, системности всегда актуальными были требования оптимизации и повышения эффективности когнитивных структур. Сегодня не столько эффективность, сколько легити-

мация научного знания и его соответствие нормам языковых игр становятся критериальными параметрами его оценки и социального одобрения. Постнеклассическую науку все чаще рассматривают в контексте ценностей открытого общества и открытой культуры постмодернизма. Исходя из этого, спонтанная пролиферация творческих инициатив, отказ от больших метаповествований, плюрализм научно-исследовательских программ и другие характерные особенности современного научного дискурса, как правило, интерпретируются в терминах коллажной, мозаичной, постмодернистской картины реальности.

Таким образом, радикализация научного познания и отказ от фундаментальных постулатов классического образа научной рациональности стимулировали концептуальное и аксиологическое оформление идеи релятивизации сознания как важнейшего конститутивного элемента современной социокультурной ситуации. Динамика художественной культуры и становление постмодернистской парадигмы эстетической рефлексии существенно дополняют эту картину конституирования релятивизма в функции атрибутивной характеристики постиндустриального социума. В нем все отчетливее наблюдается углубленный интерес к самопознанию и самореализации личности, обостренное восприятие хрупких межличностных отношений, забота о состоянии и перспективах изменения окружающей среды, животном и растительном мире, растущая убежденность в необходимости этики выживания и формирования альтернативных стилей жизни. Эти постматериалистические ценности, нормы и стереотипы поведения инициируют активизацию таких сценариев развития художественной культуры и эстетического сознания, которые воплощаются в постмодернистских инновациях типа художественного шизоанализа; концепциях ризоматики, картографии, пиротехники и полилога искусства; физиологической трактовке катарсиса и др.⁷ Тем не менее глубинная аксиоматика релятивизации современной культуры закладывается в структурах философского сознания.

Современная западная философия являет собой весьма сложный и многомерный социокультурный феномен, интегрирующий в себе множество различных школ, направлений, концепций, репрезентирующих противоречивую динамику философского сознания на протяжении последней трети XIX–XX вв. Конституирование современного этапа в эволюции европейской философии как относительно автономной интеллектуальной традиции связано с осмыслением ее принципиальной постклассичности, критикой и отрицанием важнейших парадигмальных оснований классической философии.

Под классической философией обычно понимают некую общую ориентацию и стилистику философского мышления, базирующуюся на принципах рациональной, гармоничной и реалистически ориентированной интерпретации мира и форм его взаимосвязи с человеком как субъектом познавательной активности. Гармония и упорядоченность мироустройства, а также принципиальная возможность их рациональной реконструкции в картине мира рассматривались и оценивались в классической философии как ее неотъемлемые и атрибутивные характеристики. Именно такое понимание базовых ориентаций философии, характерное еще для Платона и Аристотеля и широко представленное в европейской философской мысли вплоть до середины XIX ст., отличает системы философской классики.

Несмотря на широкое разнообразие идей и методологических ориентаций, концептуальных моделей и мировоззренческих установок, в рамках классической философии как архетипической целостности можно с известной долей условности выделить ее базовые принципы или ориентации мышления. Среди них важнейшими являются следующие: 1) строгая приверженность метафизической проблематике, предполагающая в качестве

приоритетной цели познания поиск истинных субстанциальных оснований сущего как адекватного референта исследуемой реальности; 2) редукция всего многообразия духовного мира человека и форм его культурного творчества к рационально-теоретической способности мышления конструировать эксплицитные картины мира; 3) провозглашение категориально-понятийных структур философии наиболее продуктивным и адекватным ее природе средством философского познания; 4) трактовка субъект-объектного отношения как фундаментальной оппозиции и исходной гносеологической структуры процесса познания; 5) конституирование принципа тождества бытия и мышления, означающее принятие умозрительной конструкции рефлексивного сознания как главного средства постижения объективной реальности; 6) провозглашение истины универсальным гносеологическим регулятивом, задающим содержательные и инструментальные приоритеты в познании не только природной, но и социокультурной реальности и т. д.

Становление и развитие постклассической западной философии было связано с акцентированным неприятием этих фундаментальных принципов классического философствования и попытками радикального их переосмысления. Один из основополагающих векторов такого переосмысления был связан с релятивизацией классических философских представлений. В конце XIX – начале XX в. сочинения Ф. Ницше, А. Бергсона, В. Дильтея инспирировали своеобразный «антикартезианский бум» в философии и заставили профессиональных философов серьезно задуматься над статусом нигилистических и релятивистских аргументов в структуре философского дискурса. Однако этот опыт радикальной трансформации принципов классического философствования встретил серьезный отпор и был оценен как симптом кризисного философского сознания. Парадигмальными фигурами в этом движении выступили Э. Гуссерль и Б. Рассел.

Во второй половине XX в. возникает новая «лингвистическая» или «семантическая» стратегия в развитии философии, которая ознаменовала собой поворот от наивно-реалистических представлений о предмете философского познания к его знаково-семантическим интерпретациям. Однако аналитические стандарты и кантианская традиция априоризма и гносеологизма сориентировали философию языка в направлении логического анализа его структуры и функций. И все же лингвистическая парадигма в философии оказалась имманентно сориентированной на релятивистские стандарты мышления. Это особенно ярко обнаруживается в 70–80-х гг. XX в., когда интерес к историческим и социокультурным моделям знания приобретает характер своеобразной интеллектуальной моды. Антикумулятивистские идеи Т. Куна, «анархистская эпистемология» П. Фейерабенда, холистские и прагматические концепции У. Куайна, Н. Гудмена, Д. Дэвидсона вновь обозначили перспективу свободного философствования с использованием креативного потенциала релятивистских аргументов и концептуального плюрализма. Все более очевидно происходит переход от предмета философствования к стилю и форме языковой игры, которая утрачивает черты содержательного размышления и заменяется искусством манипуляции образно-ассоциативными языковыми конструкциями. В постмодернистских опытах философствования эта тенденция достигает своего апогея и зачастую приобретает характер лингвистического курьеза. Так, в книге с симптоматическим названием «Что такое философия?» Ж. Делёз и Ф. Гваттари резюмируют свои размышления о роли и статусе философии в современной культуре в следующем красноречивом пассаже: «Философ выносит из хаоса *вариации*, которые остаются бесконечными, но становятся неразделимыми в тех абсолютных поверхностях и объемах, которыми начертан секущий план имманенции; это уже не ассоциации отдельных идей, но воссоединения цепей над каждой зоной неразличимости в концепте»⁸.

Не случайно один из авторитетных представителей философии постмодернизма Ф. Лиотар определяет проект постмодерна как особую историческую эпоху, отличающуюся специфическим состоянием ума, атрибутами которого становятся тотальная плюрализация реальности и релятивизм. Установка на отрицание всякой универсальной гармонизации и «тотализирующего синтеза», методы коллажа и произвольной артикуляции парадоксов становятся предпочтительными с точки зрения постмодернистской техники мышления. Иными словами, постмодернизм декларирует свое радикальное дистанцирование от классического философского канона, предлагая взамен идеи множественности и разнообразия, гетерогенности и плюрализма мысли.

Характерна в этом отношении позиция ставшего весьма популярным в последнее время американского философа Р. Рорти. В своей философии неопрагматизма он развивает и обосновывает позицию последовательного культур-релятивизма и номинализма, дистанцируясь от принципов классического философствования и предлагая идеи «либеральной иронии», «этноцентризма», «диалектической герменевтики». Каждый культурный феномен (и в первую очередь язык) он рассматривает как «явление времени и случая», т. е. в контексте конкретной социокультурной ситуации. Мир в его представлении метастабилен и хрупок, человеческое познание и бытие относительны и релятивны. Подлинно актуальная функция философии, по его мнению, состоит в том, чтобы выступать посредником между поколениями, между сферами культурной активности и между традициями⁹.

Однако весьма симптоматично, что даже в устах Р. Рорти как одного из признанных авторитетов постмодернистской философской ориентации образ радикального социокультурного релятивизма не артикулируется в терминах перспективной предпочтительности. Более того, он постоянно стремится смягчить свою антифундаменталистскую позицию и зафиксировать некоторые ограничения культурно-семантической несоизмеримости различных словарей, когда речь идет о философии. Культурный диалог, если он ведется по поводу философских проблем и в языке философского дискурса, не только возможен, но и сущностно необходим, ибо вне такого диалога история как разворачивающаяся во времени форма транскультурной коммуникации утрачивает всякий смысл и собственную оправданность. Данная констатация весьма важна, поскольку она ориентирует на имманентно критическое восприятие постмодернистской техники мышления с характерными для нее формами языковых игр и аллегорического мировосприятия, с интенциями на спонтанный релятивизм и методологическую иронию. Признание Р. Рорти вполне может быть истолковано как допущение некоторой аберрации мысли, приводящей к тому, что аутентичной позицией философа по отношению к постмодернистским штудиям может быть именно ирония. В таком случае радикальная релятивизация сознания, столь впечатляюще продемонстрированная в новейших постмодернистских направлениях философствования, оказывается во многом процессом социально обусловленным, но в то же время и своеобразным социокультурным фантомом. И как только речь заходит о необходимости поиска и обоснования реальных решений научных, технологических, социальных проблем, эвристические возможности символов деконструкции и кпповой культуры оказываются более чем скромными. В таких ситуациях, по-прежнему, требуются научно и рационально обоснованные нормы и принципы методологии решения проблемы. Причем это относится не только к сфере теоретического познания, но и к области современных социальных технологий. Поэтому инициированные постмодернизмом феномены радикальной критики научного разума и размывания философской рациональности в формах художественно-дискурсивных практик следует рассматривать и оценивать как кризисные и транзитивные явления в современной культуре.

Классическое философское наследие по-прежнему продолжает выполнять роль того неизбежного основания, по поводу которого продуцируются самые экзотические версии философствования, оставаясь при этом все же формами своеобразной инверсии классической философии. И если в современной культуре востребованными окажутся не только маргинально-провокативные формы языка и социального поведения, но и конструктивно обоснованные технологии, а также нравственно значимые программы человеческой солидарности и консолидированных усилий, то традиции классической европейской философии еще не раз обнаружат свою несомненную актуальность.

¹ См.: Мамчур Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // Философия науки: Сб. ст. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей. М., 1999. С. 10–11.

² См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

³ Эйнштейн А. Собрание научных трудов: В 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 60.

⁴ Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 536.

⁵ См.: Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1974. С. 235.

⁶ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

⁷ См.: Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000. С. 73.

⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 258.

⁹ См.: Rorty R. Philosophy and the Future // Rorty and Pragmatism. The Philosopher Responds to His Critics. Nashville and London, 1995. P. 203.

Н.К. КИСЕЛЬ

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНТЕНЦИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ И АНТРОПНЫЙ КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Кисель Наталья Константиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки. Автор более 30 работ по философии и методологии науки и философии образования. Область научных интересов – методологические проблемы современного естествознания.

The paper is devoted to the research of the role of the anthropal cosmological principle (ACP) in the formation of the post-non-classical scientific rationality. The comparative analysis of ACP and the principles of complementarity and observability in non-classical science has been made, the methodological significance of ACP in the formation of the communicative strategy of post-non-classical science has been found.

Формирование постнеклассической научной рациональности в последней трети XX в. связано с радикальными изменениями в метатеоретических основаниях науки, принимающими характер глобальной научной революции. Данный процесс во многом фундирован развитием современной космологии, в рамках которой особенно наглядно происходит смена восходящей к ньютоновской космологии классической абсолютизации естественности и непосредственности природного процесса, выделяемого безотносительно к условиям его изучения, постнеклассическим отрицанием объективизма, разрушающим представление о зеркально-однозначном соответствии знания и реальности.

В своем развитии космология XX в. прошла ряд весьма знаменательных этапов. Одним из них, безусловно, явилось создание инфляционной модели Вселенной, в рамках которой последняя предстает в виде гигантской флуктуации более общего суперпространства, связанного с вакуумным состоянием физических полей. Концепция инфляционной Вселенной явилась результатом экстраполяции квантового эффекта поляризации вакуума на гра-